

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селигмен А. Проблема доверия / Перевод с англ. М.: Идея-Пресс, 2002.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Перевод. с англ. М.: Аспект Пресс, 1998.
3. Эфендиев А. Г. Социальные взаимодействия: формы, типы и принципы регуляции / / Общая социология: Учебное пособие / Под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 165-213.
4. Говир Т. Недоверие как практическая проблема // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 3. С. 94-98.
5. Фурс В. Н. «Критическая теория позднего модерна» Энтони Гидденса // Социологический журнал. 2001. №1. С. 44-73.
6. Sztompka P. Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization / Ed. by J. C. Alexander. Guildford, Surrey: Biddles Ltd., 1998. P. 191-210.
7. Гидденс Э. Последствия современности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 3-13.
8. Селигмен А. Указ. соч.
9. Гидденс Э. Указ. соч.
10. Понятие «базовое доверие» было введено американским психологом Э. Эриксоном и широко используется обществоведами. В интерпретации самого психолога разрешение дилеммы базового доверия/недоверия к окружающему миру является важнейшим фактором становления личности. См.: Ерасов П. Б., Калькова В. Л., Якимова Е. В. Теория поведения и практика социальной работы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 3. С. 79.
11. Кастелз С. Глобализация и миграция: некоторые очевидные противоречия // Международный журнал социальных наук: Социальные трансформации: поликультурные и полиэтнические общества. 1998. № 23. С. 23-32.
12. Калькова Л. В. Концепция современности Энтони Гидденса // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 35-43.
13. Селигмен А. Указ. соч.
14. Гидденс Э. Современность и самоидентичность // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: Реф. журн. М.: РАН ИНИОН, 1994. № 2. С. 14-27.
15. Говир Т. Указ. соч.
16. Более подробно о «серой зоне» см.: Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. 2002. № 4. С. 66-85.

Владимир Геннадьевич БОГОМЯКОВ —
 зав. кафедрой политологии
 факультета истории и политических
 наук, доктор философских наук,
 профессор

УДК 32.001

О КАЧЕСТВЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются проблемы современного политологического знания; его методологические и социально-этические аспекты. Выявляется фундаментальная значимость онтологической свободы личности.

The author analyses some problems of contemporary political knowledge focusing upon methodological, social and ethical aspects and revealing the fundamental significance of ontological freedom of a person.

Одним из вреднейших для общества стереотипов массового сознания является расхожая истина о том, что «политика — грязное дело». Если это так, то тогда задача человека — дистанцироваться от политики, не участвовать в решении различных вопросов общественной жизни. Следствием такого понимания политической реальности является абсентеизм и другие формы отчуждения человека от политики. В этом случае политологическое знание вообще не может нести какой-либо конструктивной функции, кроме функции алармистской, предупреждая об опасности, которая исходит от политики и политиков, «хороших людей», отчужденных от этой сферы совместного существования.

Если же общество осознает, что политика — это домостроительство, «икономия», совершенно необходимая для организации общественно-государственного бытия, то тогда уже разумно ставить вопрос о качестве знания, определяющего политическую жизнь; о полноте интерпретации политосферы, об уровне понимания политических проблем и реалий, о добротности политологических методологий. В обыденном понимании политология зачастую сводится к малопочтенному искусству создания неких «технологий», способных заставить гипотетического Ивана Ивановича проголосовать так, как это нужно заказчику. Для властных структур политология тоже выступает нередко лишь в ее чисто эмпирической ипостаси, причем в форме банального фактофикаторства, эмпирического делопроизводства, дотошно подсчитывающего проценты «за» и «против», но совершенно не знающего, что с этими процентами делать (здесь уместно вспомнить стремление М. Вебера к «понимающей социологии»).

Однако принципиальная важность политики как одного из ключевых компонентов общественного сознания, как культуры согласования групповых интересов, как сложнейшего и тончайшего коммуникативного комплекса и, наконец, как мощнейшего ресурса воздействия на реальность обуславливает то обстоятельство, что ключевые вопросы в политологии вообще не решаемы в одном лишь эмпирическом ареале мысли. К тому же, современная политика в ситуации трансформации всех сфер российской жизни, кардинального выбора путей развития страны не может быть лишь инструментально-обслуживающей сферой; ее основной задачей становится помощь в концептуализации и даже просто в артикуляции противоречивых процессов формирования национально-государственной идеологии. Поэтому политология в современном обществе должна выступать как предельно широкое поле дисциплин, изучающих политические процессы, и особое значение в этом комплексе наук должна играть политическая философия.

Сегодня политическая философия, как пишет Лео Штраус [7: 16-25], пребывает в состоянии кризиса. Причины кризиса и дискредитации политической философии названный автор видит в долгом засилии позитивистских схем, а также в отказе от ценностных суждений при изучении явлений политической реальности. Невозможно говорить о политическом, не принимая во внимание вопрос о целях и ценностях, на которые ориентируются политические структуры. Согласно позитивистскому подходу, мы должны отказаться обсуждать проблему ценностей, поскольку ценности порождают человеческие конфликты, не разрешимые средствами разума. Но в действительности огромное количество социальных конфликтов возникает как раз из-за нежелания людей обсуждать ценности, являющиеся ориентирами и побудительными мотивами человеческой деятельности. С точки зрения возвращения к классическим ценностям политической философии, благодатной почвой представляется русская культура, ибо в России даже самые отъявленные позитивисты всегда мыслили в категориях общественной Справедливости, Истины, Общего Блага.

Важность философского подхода к политике определяется еще и тем, что политические ситуации зачастую однократны, недублируемы, что позволяет говорить об эпизодичности и негомологичности политической жизни. Научное изучение полити-

ки нацеливает на установление политических фактов, а затем — восхождение к формулированию определенных законов. Однако политические ситуации не хотят подчиняться «кальке истории» и выступают в качестве особых обстоятельств, требующих от реального политика вчувствования, интуиции и высокой степени творчества и риска. Карл Поппер в своей работе «Нищета историцизма» резко критиковал социальные теории, ориентированные на открытие в истории тенденций и законов, и веру в «историческую необходимость». Полемизировавший с Поппером Ги Дебор считал, что такой подход лишает историю смысла, что позволяет тотально манипулировать сознанием в условиях «общества спектакля». Скорее всего, по-своему правы и Поппер и Ги Дебор: безусловно, политика и история являются такими сферами реальности, где проявляются определенные закономерности, однако большинство из них коренным образом отличается от законов физики или химии; для адекватного осмысления их необходимы философские универсалии.

Позитивистский подход к обществу обуславливает ориентацию на модель естественных наук. В этом случае, как пишет упоминавшийся уже Лео Штраус, «социальная наука подвергается опасности ошибочно принять особенности Соединенных Штатов середины XX века или вообще современного западного общества за сущность человеческого общества. Чтобы избежать этой опасности, она вынуждена заниматься «кросс-культурными исследованиями», изучением других культур, настоящих и прошлых. Но, совершая это усилие, она упускает смысл этих других культур, поскольку интерпретирует их посредством концептуальной схемы, возникающей в современном западном обществе и лучше всего подходящей только лишь ему» [7: 24]. Заметим, что Б. П. Вышеславцев упрекал в свое время марксизм за то, что установка экономизма и индустриализма экстраполируется марксизмом на иные эпохи и иные культуры, в которых «способ производства материальной жизни» имел принципиально другое общественное значение [3].

Слабость политико-философского анализа приводит к тем методологическим затруднениям, с которыми политология сталкивается при анализе современных социальных трансформаций в российском обществе, процессов распада советской системы и возникновения нового качества и новых элементов политосферы. В политический и научный лексикон для обозначения процессов обновления общества вошло понятие «перестройка». Следует сказать, что этот термин без каких-то особенных объяснений применяют в своих работах и Чаадаев, и Герцен, и Ленин, и Сталин, и Хрущев. М. С. Горбачев первоначально говорил о «перестройке» как о психологическом факторе на уровне перестройки сознания, изменения психологии трудящихся. Но в дальнейшем «перестройкой» стали называть более глубинные процессы возрождения в человеке его человеческой сути через углубление демократизации, гласности, плюрализма. А затем «перестройка» предстает в качестве комплекса коренных социально-экономических преобразований. Смысл «перестройки» — выход из кризисного состояния, в котором оказалось общество. Однако А. А. Зиновьев, например, убедительно показывает, что горбачевская «перестройка» явилась не преодолением кризиса, а самим кризисом, «контрперестройкой», отклонением, болезнью. Доперестроечное же состояние общества можно, по мнению названного автора, считать относительной нормой [4].

Уяснение смысла «перестройки» напрямую связано с еще одним важнейшим понятием, которое тоже повисает в воздухе, не обнаруживая достаточных концептуальных оснований, — «кризисом советской системы». Был ли в действительности этот кризис, или желаемое выдается за действительное, и неизбежности гибели советского режима на самом деле не существовало? Д. В. Мальцев высказывает мнение, что между «кризисом советской системы» и «неизбежностью ее гибели» нередко ставится знак равенства, однако социологический взгляд на пролему несколько иной. Социология отказывается от идеи прямолинейного поступательного развития общества и неотвратимости общественного прогресса [6:8]. Во многом это связано с постепенным утвер-

ждением постклассической парадигмы в социальном познании, нацеливающей на плюрализм и полиструктурность гносеологических подходов, на полиэкранность и холизм в осмыслении процессов жизни общества; а также на отказ от монизма, фундаментализма и редукционизма. Такой подход позволяет усомниться в фатализме тех процессов, которые общество объявляет кризисными: возникает понятие «нормализация» кризиса, акцент делается не только на самих социальных явлениях, но и на их восприятии общественным сознанием. Понятие «кризис», воспринятое некритически, без попытки докопаться до сути происходящего, становится инструментом беззастенчивой манипуляции сознанием. Иначе как можно объяснить факт, на который указывает Д. В. Маслов: падение темпов роста советской экономики на проценты в 80-е годы расценивалось как приговор системе, а массовое сокращение производства в несколько раз спустя десять лет преподносили как объективную трудность переходного периода [6: 8]. Волей-неволей напрашиваются исторические параллели. В сборнике статей о русской революции «Из глубины» Петр Струве подвергал сомнению сам титул «революция» применительно к октябрьским событиям; тогда тоже говорилось о кризисе, но что именно пребывало в кризисе? Ответ Петра Струве: в кризисе находится самоуверенное сознание, ищущее силы лишь в себе самом и совершенно отвернувшееся от Бога; в кризисе находится разум, отпавший от своей вечной и универсальной основы и соблазненный близостью «земного рая».

Можно усомниться и в расхожем термине «революция сверху», которым зачастую определяют суть «перестройки» [2:62]. Революция сверху понимается как революция номенклатурная, а значит, мирная, имеющая элемент преемственности по отношению к существовавшей системе, что позволяет эту систему не ломать, но трансформировать. Однако Д. В. Маслов справедливо, на наш взгляд, указывает, что главный вопрос любой революции — это вопрос о власти; здесь же мы никаких изменений не видим: она была в руках номенклатуры и осталась в ее руках. Кроме этого, общепринятое понятие «социальная революция» связано с переходом общества к качественно новому состоянию. Лозунги «номенклатурной революции»: сначала — вернуться к «очищенному Ленину», затем же — вестернизировать Россию; и в том и другом случае нового социального качества явным образом не просматривается. Э. Блох в своей известной работе «Принцип надежды» писал о размытости и неопределенности категории «нового» и о ее увязанности с категорией «предельного» [1]. За событиями конца века в нашей стране не видится никакой предельности. В революции предельность являет себя, в частности, как предельная массовость (в отличие, скажем, от путча). Однако социальные трансформации в России не сопровождались подъемом массового энтузиазма; узкий круг лиц стал воплощать в жизнь очередной модернизационный проект, а «косное большинство» повели навстречу очередному «светлому будущему». В российской «революции сверху» много неясного...

*можно эволюции
противопоставлять
революцию
революции —
контрреволюцию
следует ли из этого, что:
эволюция —
это и есть контрреволюция?
или что
контрреволюция —
это и есть эволюция?
и что такое
контр-эволюция?*

(В. Перельман)

Приведенные примеры, по нашему мнению, свидетельствуют о необходимости философского анализа современных политических процессов. Марксистская философия, являясь вполне добропорядочной методологической конструкцией [5], в настоящий момент исчерпала себя, не оказывает плодотворного воздействия на гуманитарное знание, оставляет за бортом социального анализа огромное количество фактов общественной жизни. Формационный подход безжизненно-схематичен, он сглаживает живой исторический процесс, выводя многообразие форм человеческого существования из характера определенной общественной формации. Но самый большой его минус — дегуманистичность, проистекающая из стремления оперировать большими объемами (государство, нация, класс), что оставляет в стороне конкретного человека и небольшую социальную группу. Современное же политологическое знание требует антропологичности и антропоцентричности. Разумеется, речь идет не просто о развитии политологической антропологии как одной из дисциплин в рамках комплекса политологического знания, но о том факте, что в современном политическом знании особую значимость приобретает принцип личностной неповторимости, неповторимости цивилизационных и культурных типов.

В центре политологии будущего должна стоять свободная личность, а не социальная функция. Эта политология меньше всего должна быть озабочена конструированием оправдывающих власть идеологем; ее основная цель — защита личности от воздействия манипуляторов, которые путем создания политических мифов, гипнотической риторики и иных средств пытаются полностью погрузить человека в «вечное настоящее», заставив его существовать в замкнутом времени спектакля и утратить свою свободу. Гуманистически ориентированная политология — это то, что учит самостоятельно мыслить и исходить из универсальных смыслов жизненного мира человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 51-59.
2. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия // Российская политическая энциклопедия. М., 1995.
3. Вышеславцев Б. П. Философская нищета марксизма // Вышеславцев Б. П. Сочинения. М., 1995. С. 15-180.
4. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
5. Ильин В. В. Политология. М., 2001.
6. Маслов Д. В. Процессы распада советской системы: вопросы методологии исследования // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Вып. 18-19. М., 2002. С. 6-18.
7. Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000.

*Михаил Геннадьевич АГАПОВ —
старший преподаватель кафедры
новой истории и международных
отношений факультета истории
и политических наук*

УДК 93

БОРЬБА ЗА ПРИНЯТИЕ КОНСТИТУЦИИ В ИЗРАИЛЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные этапы борьбы за принятие конституции в Израиле с 1948 года до конца 1990-х годов.

This article discusses the main stages of struggle for constitution in Israel from 1948 till the end 1990-s.